

КОРОЛЬ РЕПЛА И КОРОЛЕВА НОЖЕЙ

18+

Элина Кова

Король пепла и королева ножей

<https://litres.ru/74477959>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эпоха Короля-Солнца умерла, оставив после себя разоренную казну, гниющие раны городов и пустую колыбель наследника. У руля умирающей империи встает Филипп Орлеанский — человек со взглядом мраморной статуи и сердцем из замерзшей ртути. Его называют регентом, но он уже чувствует себя королем теней.

Его невеста, Луиза-Антуанетта, — избалованная принцесса, привыкшая к шелку и поклонению. Но первая брачная ночь случается не в дворцовой опочивальне, а в вонючем наемном фиакре посреди Парижа, где вместо свадебного марша звучит свист полицейской плетки. Это не насилие — это объявление войны.

Чтобы спасти Францию от голода и бунтов, им придется превратить свою постель в главный инструмент управления государством. Он будет продавать её тело банкирам ради мешков с зерном, а она — подписывать смертные приговоры его кредиторам, лежа под ним на карте страны. Они будут торговать церковным серебром, топить предателей в Сене и строить империю на костях тех, кто посмел назвать их самозванцами.

Содержание

Глава 1. Вонь формалина и дешевое шампанское	4
Глава 2. Чернила вместо яда	12
Глава 3. Запах серы и фальшивых гиней	17

Элина Кова

Король пепла и королева ножей

Глава 1. Вонь формалина и дешевое шампанское

Смерть Короля-Солнца

Париж задыхался в августе 1715 года. Людовик XIV гнил заживо уже третью неделю, и Великий отворот крови превратил Тюильри в филиал преисподней. Высшая аристократия Франции была обязана присутствовать при этом. Часами стоять в душном зале, слушать монотонное бормотание хирургов и падать в обмороки не от горя, а от миазмов.

Филипп Орлеанский стоял у открытого окна, игнорируя этикет. Его лицо было бледным даже под слоем рисовой пудры, но глаза оставались ясными, холодными и абсолютно трезвыми. Пока его дядя превращался в восковую куклу, принц просчитывал стоимость перевозки двора обратно в Париж. Версаль был золотой клеткой для дураков. Настоящая власть всегда пахла сточными водами Сены.

— Он оставил нам империю из папье-маше, — раздался

рядом женский голос. Низкий, с легкой хрипотцой курильщицы. — И пустой сундук.

Филипп медленно повернул голову. Рядом стояла герцогиня де Берри, его л двадцатилетняя крестница. По части цинизма она могла дать фору любому министру старого короля. Платье цвета слоновой кости сидело так тесно, что казалось нарисованным прямо на коже. Она пила неразбавленное бургундское прямо из горлышка.

— Тише, Анна, — лениво бросил Филипп. — Твои соски протыкают атлас. Архиепископ Реймский еще не ослеп окончательно.

Герцогиня фыркнула и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Пусть смотрит. Говорят, он предпочитает мальчиков. Хотя бы мои настоящие.

Уголок губ Филиппа дрогнул. Это была самая теплая эмоция, которую он позволял себе на публике за все сорок два года своей жизни.

В этот момент двери распахнулись. Церемониймейстер ударил жезлом о паркет, но звук вышел глухим, жалким.

— Ее Светлость Луиза-Антуанетта де Лаваль-Бофор!

Она вошла одна. Без свиты и без отца, который предпочел отправить свою дочь которая едва достигла восемнадцатилетия, навстречу политической гильотине, оставшись в провинции пересчитывать остатки зерна. На ней была маска ворона — черная, клювастая, из лакированного дерева. Урод-

ливая вещь, закрывающая половину лица и делающая дерзость рта еще более вызывающей.

Платье винного цвета имело такой глубокий вырез, что при каждом вдохе открывало верхнюю кромку груди. Корсаж был расшит рубинами размером с голубиное яйцо. Кровь убитых гугенотов, отстраненно подумал Филипп. Или долги ее семьи перед Генеральными штатами.

Она остановилась посреди зала, обвела взглядом гниющий труп короля, потных министров и мертвецки пьяную крестницу регента. А затем сделала глоток из бокала проходящего мимо лакея. Шампанское полилось по подбородку.

Филипп оттолкнулся от подоконника. Любопытство было единственным пороком, который он никогда не мог рассчитать заранее. Эта девчонка либо обладала титановыми нервами, либо была клинически глупа. Оба варианта требовали инспекции.

Он подошел к ней сзади, бесшумно, как кот.

— Вы наступили мне на шлейф, месье, — произнесла она, не поворачивая головы. Её взгляд был прикован к фиолетовым пятнам разложения на лице покойного монарха. — Если хотели познакомиться, достаточно было попросить задрать юбки. Это сэкономило бы нам время и спасло шелк.

Зал затих. Кто-то поперхнулся мадерой. Герцогиня де Берри перестала икать. Архиепископ торопливо перекрестился.

Холодный ум Филиппа впервые за вечер дал трещину.

Никто во Франции не смел говорить с ним — первым принцем крови — в таком тоне. Даже шлюхи в борделях на улице Муффетар начинали лепетать извинения, стоило ему нахмуриться.

Упрямство взяло верх над удивлением. Девчонка хочет грязи? Она получит грязь Парижа, а не бархат Версальских будуаров.

— Следуйте за мной, — сказал он ровным голосом, беря её под локоть. Пальцы сомкнулись на предплечье чуть сильнее необходимого. — Нам нужно обсудить условия нашего брака.

Он повел её не в Малый кабинет с диванами. Вывел через черный ход, предназначенный для выноса мусора и тайных побегов куртизанок, прямо под ледяной августовский дождь.

На брусчатке темнели лужи конской мочи и помоев. Принцесса — будущая королева Франции — споткнулась, подскользнувшись на рыбьей чешуе. Маска скрыла румянец ярости, заливающий скулы.

Филипп свистнул. Подкатила наемная карета без гербов, пропахшая кислым потом, дешевой свечной гарью и блевотиной предыдущего пассажира. Кучер дремал, свесив голову.

Принц втолкнул девушку внутрь. Деревянное сиденье оказалось жестким и влажным. Внутри было темно, хоть глаз выколи.

— Куда мы едем? — спросила она. Избалованная инто-

нация исчезла, сменившись чистым любопытством. Она поправляла маску, но пальцы, сжимавшие бархат сиденья, побелели.

— Проверять вашу теорию, — ответил Филипп. Сел напротив, расставив колени. Темнота делала его профиль резким, хищным. — О юбках. Я хочу посмотреть, действительно ли ваш язык бежит впереди вашей крови. Раздевайтесь.

Тишина повисла такая, что стал слышен храп кучера и шум дождя по крыше.

— Что? — выдохнула она.

— Шелк стоит дорого, — напомнил он её же слова. Голос звучал скучающе, словно он диктовал секретарю указ о пошине на соль. — Вы экономны. Докажите. Снимите платье.

Это была месть. Холодная, расчетливая казнь её гордости. Унизить высокородную суку в вонии парижского фиакра, доказать, что вся её дерзость — лишь позолота на меди. Он смотрел на неё в ожидании, расстегивая собственную подвязку.

Луиза-Антуанетта сглотнула. Внутри всё кричало: плюнуть ему в лицо, закричать, потребовать стражу. Но воздух в карете вдруг стал густым и тяжелым. Приказ прозвучал не как насилие. Он прозвучал как вызов.

Избалованная девочка внутри хотела истерики. Дерзкая женщина, которой она притворялась весь вечер, решила сыграть.

Она подняла руки. Медленно, глядя ему прямо в глаза по-

верх клюва маски, начала развязывать ленты корсажа. Звук рвущейся ткани показался выстрелом. Верхняя часть платья упала к талии, обнажая грудь, которая никак не сочеталась с рядом её речей — высокую, тяжелую, с веснушками на левой ключице. Совершенно не идеальную. Живую.

— Экономия превыше всего, ваше высочество, — прошептала она. — Надеюсь, мой вклад покроет ущерб вашему бюджету?

Прежде чем он успел ответить или хотя бы моргнуть, она рванулась вперед. Не для поцелуя. Используя замешательство принца, схватила его за шейный платок, дернула на себя, используя инерцию движущейся кареты, и впилась зубами в нижнюю губу. До крови.

Филипп зарычал — тихо, по-звериному, чего сам от себя не ожидал. Его план рассыпался в прах. Инстинкт потребовал доминировать немедленно.

Его руки оказались на её бедрах раньше, чем карета миновала Лувр. Он вбил её в деревянную стенку экипажа, задрал мокрые юбки грубой шерстяной ткани, разрывая тонкое белье одним движением большого пальца. Она вскрикнула — скорее от злости, чем от боли — и вцепилась ногтями в его плечи, царапая дорогой камзол.

Карету швыряло на поворотах. Их тела сталкивались в такт ухабам — жестко, беззвучно, если не считать тяжелого дыхания и шума ливня. Это был не секс влюбленных. Это была драка, закончившаяся коитусом. Борьба за терри-

торию. Он доказывал свою власть, насаживая её на себя снова и снова, пока она не выгнулась дугой, впиваясь зубами в собственное запястье, чтобы не закричать, кончая слепо, ненавидя его за каждый миллиметр этого вторжения.

Когда всё закончилось, они остались сидеть друг напротив друга. Карета резко остановилась. Храп прекратился.

Филипп застегнул пуговицы камзола. Его движения были прежними — точными, механическими. Достал из внутреннего кармана кружевной платок, стер кровь со своей губы и размазанную помаду с её подбородка. Затем посмотрел на разорванный рукав её платья.

— Ткань испорчена, — констатировал он тем же скучающим тоном, которым встретил её час назад. — Мой казначей возместит ущерб. Можете считать себя представленной ко двору.

Он открыл дверцу. Ливень ворвался внутрь. Филипп выбрался на улицу, даже не подав ей руки, и захлопнул створку. Щёлкнул кнут.

Карета тронулась, оставив Луизу-Антуанетту одну. Она сидела в темноте, чувствуя, как между ног пульсирует боль, а по щекам текут не слезы унижения, а капли дождя, залетевшие в окно.

Её первая брачная ночь состоялась до свадьбы. Жениха звали Филипп. И только сейчас, дрожа в несущемся по ночному Парижу фиакре, она поняла правила этой игры.

Политический брак будет войной. И этот холодный ублю-

док только что сделал первый ход. Оставалось надеяться, что отец успеет собрать достаточное количество золота, чтобы выкупить её тело обратно, потому что душу этот принц уже украл вместе с девственностью.

Глава 2. Чернила вместо яда

Утро началось с счёта за испорченное платье.

Луиза-Антуанетта нашла бумагу на серебряном подносе рядом с шоколадом. Почерк регента был острым, как лезвие бритвы:

«Мадам. За вычетом стоимости шёлка (три туаза), кружев и морального ущерба камеристки... Итого: две тысячи ливров. P.S. Шёлк был дешёвым. В следующий раз выбирайте ткани тщательнее».

Две тысячи ливров. Он выставил ей счёт за собственное насилие. Избалованная часть её души хотела разбить зеркало. Дерзкая — решила вернуть долг с процентами.

К полудню месть была приведена в исполнение. Кабинет Филиппа находился в Пале-Рояле прямо над кухонным блоком и выходом для помоев. Луиза лично отдала приказ мажордому: «В покоях герцога Орлеанского слишком сухо. Пусть слуги выливают содержимое ночных горшков ровно в полдень. Я хочу проверить тягу дымоходов».

Филипп сидел над grossбухами, когда первые капли густого дождя из мочи и мыльной воды пробили потолок и упали прямо на колонки цифр, описывающих дефицит бюджета Франции. На его лице, скрытом от посторонних, промелькнуло нечто похожее на одобрение. Девчонка играла по пра-

вилам двора: бей по репутации и комфорту, никогда — по лицу.

Их первая встреча за ужином напоминала дуэль шпагами под скатертью.

— Стекло тяжелее рубинов, — Филипп лениво ковырял вилок паштет. — Вы будете сутулиться. Королевы не сутулятся.

— Зато оно блестит так же ярко, — парировала Луиза. — Никто не отличит блеск нищеты от блеска достатка, пока не подойдёт вплотную. К счастью, ваше высочество, никто здесь не осмелится подойти ко мне настолько близко без вашего приказа.

— Они подойдут, если я им заплачу. Или если вы продолжите заливать мой кабинет дерьмом моей прислуги. Кстати, ваш отец задерживает приданое. Мне заложить ваши стеклянные рубины или вашу девичью честь?

Это был удар ниже пояса. Она побелела. Отец любил её, но казна провинции Лаваль-Бофор сейчас значила для него больше, чем дочь-сорванец.

— Если вам нужны деньги, обратитесь к англичанам, — голос Луизы стал опасно сладким. — Говорят, их принц любит переодеваться в горничных. Возможно, он одолжит вам пару гиней.

Архиепископ Бордоский поперхнулся вином. Герцогиня де Берри проснулась.

Филипп отложил салфетку. Его лицо снова стало непроницаемой маской.

— У английского принца сифилис третьей стадии, ему не до веселья. Но попытка засчитана. Жду вас завтра в девять утра в библиотеке. Принесёте перья и чернила. Будем учиться писать анонимные письма. Раз ваша латынь ограничивается молитвенником, а моя репутация требует защиты от вашей родни-шлюхи, мы займёмся делом. Опоздаете — следующие два счёта оплатите натурой.

Утром Филипп уже ждал ее у окна в библиотеке, кутаясь в халат. Под глазами залегли глубокие тени — мигрень грызла его левый висок.

— Садитесь, — кивнул он на бюро. — Тема сочинения: «Почему вдова брата покойного короля сосёт золото из Франции быстрее, чем пиявка кровь из телёнка». Используйте метафоры. Двор обожает зоологию.

Следующие четыре часа они провели в тишине. Это было самое интимное действие, которое между ними случилось.

Филипп диктовал факты. Сухие цифры взяток, которые берёт тётка-регентша. Имена поставщиков гнилого сукна для армии. Суммы откатов судейских.

Луиза облекала это в слова. Её почерк оказался хищным, летящим. Она умела ненавидеть красиво. Когда она назвала любовницу тётки «гнилостной воронкой Сен-Дени», Филипп впервые едва заметно усмехнулся:

— Оставляем. Звучит убедительно.

Они писали пасквилы. Во Франции начала XVIII века это называлось *«мазаринадами»* — ядовитыми анонимными листками. Их не печатали в газетах, которых почти не существовало. Их писали от руки каллиграфическим почерком, чтобы нельзя было узнать автора, и подбрасывали в будуары министров, подсовывали под тарелки на балах или передавали через уличных торговцев. Один удачный памфлет мог обрушить курс акций всей страны или заставить королевскую фаворитку бежать из Парижа. Это было страшнее кинжала, потому что кинжал убивает одного человека, а слово убивает репутацию целого рода.

Когда солнце поднялось выше, Филипп потянулся, хрустнув суставами. Забрал оба листа.

— Мы едим хорошо. Как единый организм. Жаль, что трахаемся как кошка с собакой. Неэффективно.

Он развернул её кресло к себе. Резко, царапнув ножками паркет. Опустился на колени прямо на холодный каменный пол между её ног.

— Давайте проверим теорию синергии здесь, — глухо произнёс он, расстёгивая крючки её юбок. — Посмотрим, сможете ли вы кончить, не сломав мне нос. Диктуйте темп.

Это не было похоже на животную спешку кареты. Это был расчётливый, медленный акт владения. Он изучал её тело так же внимательно, как бухгалтерские книги, методично доводя её до исступления, цифра за цифрой, толчок за толчком.

Позже, сидя на полу среди разбросанных бумаг и привалившись спиной к его груди, она смотрела на свой почерк.

— Отец пришлёт золото через неделю, — тихо сказала она, просто чтобы разорвать тишину.

— Знаю, — ответил Филипп, дыша ей в макушку. Он вытащил из вороха черновиков чистый лист. — Поэтому завтра мы будем писать вторую часть. Про архиепископа. У него страсть к мальчикам-алтарникам. Справедливость должна быть всеобъемлющей.

Он протянул ей новое перо. Их пальцы соприкоснулись. Война никуда не делась, но теперь у неё появилось общее банковское дело и общий яд в чернильнице.

Глава 3. Запах серы и фальшивых гиней

Париж сошёл с ума от из-за денег.

Система Джона Ло превратила улицы в сумасшедший дом. Графини продавали фамильные алмазы, чтобы купить бумажки «Миссисипской компании», а вчерашние лакеи швырялись полными кошельками золота перед уличными девками. Воздух дрожал от лихорадочного ожидания чуда. Филипп Орлеанский смотрел на это из окон Пале-Рояля с усталостью врача у постели чумного больного. Он знал, что пузырь лопнет, похоронив под собой остатки репутации короны, но пока золото текло рекой, его нужно было использовать.

Луиза-Антуанетта заразилась этой лихорадкой быстрее остальных. Впервые в жизни она видела столько богатства вокруг себя — не тяжёлого, векового золота её отца-скопидома, а лёгкого, шального, пахнущего типографской краской и табаком. Она заказала себе новый гардероб за один вечер, расплатившись векселем, который сама толком не понимала как заполнять.

— Вы разорите меня раньше, чем я успею посадить вас на трон, — процедил Филипп, когда портной принёс счёт за

платье из лионского бархата, расшитое настоящим жемчугом. Они сидели в малой столовой. На столе перед регентом лежали донесения о бунтах в Лионе — народ уже начинал голодать, пока знать скупала акции воздухом.

— Я просто соответствую статусу вашей будущей жены, — пожала плечами Луиза, лениво ковыряя серебряной ложечкой бланманже. — Или вы хотите, чтобы королева Франции выглядела как дочь провинциального мытаря?

— Я хочу, чтобы моя невеста перестала вести себя как дура. Эти бумаги ничего не стоят. Когда всё рухнёт, ювелиры придут ломать вам пальцы, а не мне.

— Тогда научите меня, как превратить бумагу в землю и камни, — она подняла на него глаза. В них впервые не было яда. Только азарт. — Вы же самый умный человек во Франции. Научите меня играть.

Филипп долго молчал, разглядывая её лицо без маски. Веснушки на ключице, которые он заметил ещё в карете, сейчас были припудрены, но он знал, что они там.

— Играйте только на чужие деньги, — наконец сказал он. — И никогда не влюбляйтесь в свои ставки.

Вечером того же дня их хрупкое перемирие едва не рассыпалось в прах.

Причиной стала Аделаида де Тианж.

Маркиза устроила философский ужин. Никаких оргий, только музыка Моцарта, который недавно приехал покорять

Париж, и дискуссии о Вольтере. Свечи в настоящих восковых подсвечниках, слуги в напудренных париках, разговоры полушёпотом. Для Филиппа этот салон был убежищем. Местом, где можно снять маску циничного ублюдка и снова стать мальчиком, читавшим Плутарха при дворе деда.

Луизу туда не звали. Но она пришла.

Она всплыла в салон посреди спора о природе души. На ней было то самое вызывающее платье цвета бургундского вина. Декольте открывало грудь почти до сосков. От неё пахло не розовой водой маркизы, а терпкими духами из квартала Сен-Жак — смесью мускуса, пота и дешёвых притираний.

Разговоры оборвались. Философы смотрели на неё так, словно в церковь вбежала голая маркитантка.

— Прошу прощения, что прерываю ваш кружок рукоблудия, — громко сказала Луиза, обводя взглядом гостей. — Но мой будущий супруг забыл дома свою любимую грелку для ног. Я принесла.

Аделаида де Тианж медленно поднялась. Высокая, бледная, с идеально уложенными волосами. Она олицетворяла всё, чем Луиза-Антуанетта пыталась казаться: утончённость, власть интеллекта и неприступность.

— Ваше высочество, — голос маркизы был ровным, как лезвие рапиры. — Мы обсуждаем бессмертие души. Боюсь, тема горячих камней нам сегодня не близка.

— О, бессмертие! — всплеснула руками Луиза. — Как удачно. Мой духовник говорит, что блудницы попадают в

рай первыми, потому что умирают уставшими. Может быть, вы расскажете нам про душу после третьей бутылки шамбертена? Говорят, в таком состоянии границы миров становятся прозрачнее.

Это была пощёчина. Публичная, звонкая. Луиза была по самому больному — по лицемерию салона, где все спали друг с другом, прикрываясь томиками Руссо.

Филипп поднялся. Его движение было резким, как удар хлыста. Глаза заледенели.

— Мадемуазель, — обратился он к невесте, игнорируя побелевшее лицо маркизы. — Вы выглядите утомлённой. Свет этого общества слишком тускл для вашего острого зрения. Извольте удалиться в свои покои. Немедленно.

Он не повышал голоса. Это пугало больше любого крика. Холодное публичное унижение регента перед любовницей (а весь двор знал, что Аделаида — нечто большее, чем просто подруга) было страшнее удара кулаком.

Луиза посмотрела на него. Затем на маркизу. Улыбнулась уголком губ, сделала глубокий реверанс, от которого шёлк платья опасно затрещал, и вышла.

Но выходя, она намеренно задела плечом столик, сбив хрустальный бокал прямо на колени мадам де Тианж. Красное вино растеклось по бледно-голубому шёлку точь-в-точь как кровь.

Ночью он пришёл к ней сам. Без стука. Замок щёлкнул

тихо, но звук показался выстрелом.

Луиза стояла у окна, глядя на огни безумного Парижа. Она даже не обернулась, когда он вошёл.

— Пришли читать нотации? — спросила она в стекло. — Могли бы сделать это в библиотеке. Там удобные кресла.

— Пришёл закончить наш спор, — ответил он.

Он подошёл вплотную. Не касаясь. Между ними оставалось расстояние в ладонь.

— Вы опозорили меня сегодня, — сказал Филипп. Его дыхание шевелило волосы на её затылке.

— Вы опозорили себя сами, когда выбрали монахиню вместо королевы, — она повернулась. Глаза горели сухим огнём. — Она держит вас за идиота, Филипп. Сюсюкает, играет на клавишине, называет вас «солнышком» и думает, что управляет Францией через вашу ширинку. Я хотя бы честна в своей жадности.

Его рука взметнулась быстрее, чем она успела моргнуть. Звонкая пощёчина отбросила её голову в сторону. Боль обожгла щёку.

Луиза не вскрикнула. Медленно повернула голову обратно. Провела языком по прокушенной изнутри щеке. Попробовала собственную кровь.

— Это всё? — выдохнула она. — Обычно вы действуете убедительнее.

Этого хватило.

Упрямство Филиппа столкнулось с её дерзостью. Его рас-

чётливость — с её саморазрушением.

Схватив её за плечи, он впечатал невесту в холодное стекло окна. Париж внизу сиял океаном фальшивого золота.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — прошипел он ей в губы. — Ни-че-го.

— Так просвети меня, — она обвила его ногами, притягивая ближе, царапая ногтями его спину сквозь тонкую ткань халата.

Этот раз не имел ничего общего ни с грязной лавкой в экипаже, ни с методичной библиотекой. Это был акт чистого доминирования и отчаяния. Он брал её стоя, прижав лицом к стеклу, грубо, почти жестоко, наказывая за сцену в салоне и одновременно доказывая самому себе, что именно он имеет право решать, кто будет стоять рядом с ним на троне.

Когда судорога наслаждения скрутила обоих одновременно, Луиза разбила локтем витражное стекло. Осколки посыпались в ночь, смешиваясь с дождём. Кровь выступила на коже мелкими каплями.

Они стояли, тяжело дыша. Спинай к спине. Между ними и Парижем теперь была лишь пустая оконная рама и холодный ветер.

— Она знает, где спрятаны кости французской монархии, — внезапно глухо сказал Филипп, глядя на осколки у своих ног. — Аделаида... Она единственная, кому я доверяю списки агентов. Если твой отец решит взбунтоваться, именно она отдаст приказ армии подавить мятеж. Моя «монахиня» ко-

мандует тeneвым кабинетом министров.

Луиза молчала, чувствуя, как по порезанной руке течёт тёплая струйка крови. Весь её яд застыл в горле комом.

— Возвращайся завтра в салон, — продолжил он тем же мёртвым голосом. — Извинись перед ней. Целуй руки. Плачь, если придётся. Стань её тенью. Мне нужен доступ к её переписке, а тебе нужна защита, когда мой карточный домик рухнет. Вопросы есть?

Вопросов не было. Была только пульсирующая боль в разбитой руке и понимание: война за корону только что перешла из стадии пьяной драки в стадию настоящей, взрослой бойни, где постель — всего лишь способ обменяться заложниками.

И дата их свадьбы, записанная кровью в церковных книгах, вдруг показалась Луизе не триумфом, а датой вынесения приговора.